

Глава I.

Крѣпостнически-народная политика правительства Александра II. Экономически - буржуазная политика правительства. Настроеніе пореформенной деревни. Общественное настроеніе въ пореформенной Россіи. Литературныя теченія въ пореформенной Россіи. (60—70 г.г.).

Съ уничтоженіемъ крѣпостного права въ хозяйственной жизни Россіи начинается глубокой процессъ ликвидаціи старыхъ ея «устоевъ» и постепеннаго созиданія новыхъ. Процессъ этотъ совершается медленно, но неуклонно. При поверхностномъ наблюденіи казалось, что «все обстоитъ благополучно», все—«по старому», «какъ наши дѣды и отцы, такъ и мы». Для вдумчиваго же наблюдателя,—а таковой былъ и въ мое время,—было ясно, какъ день, что въ глубинахъ народной жизни совершается глубокой процессъ ломки—рушится старое зданіе народной жизни, рушатся „устои“, „старые законы“. Да иначе и не могло быть. Ужъ въ самой «крестьянской реформѣ»,—этой кардинальной реформѣ такъ называемой «эпохи великихъ реформъ»,—кроились вѣ зародыши неизбѣжнаго разрушенія.

По манифесту 19 февраля, «свободный хлѣбопашецъ» надѣляется такимъ количествомъ земли, которое должно было не только обезпечить его существованіе, но и гарантировать ему возможность оставаться „исправнымъ плательщикомъ“ государству. Мягко стелеть, да жестко спать. „Свободный хлѣбопашецъ“, несмотря на то, что онъ «вольный», получаетъ въ надѣлъ земли меньше, чѣмъ владѣлъ въ крѣпостное время. Мало того. Земля въ общемъ худшаго качества. Запутанная система максимумовъ и минимумовъ надѣловъ вносила съ самаго начала въ дѣло освобожденія крестьянъ массу недоразумѣній, замѣшательствъ, конфликтовъ, окончившихся, какъ ниже увидимъ, кровавой расправой. Послѣдствія «великой крестьянской реформы» сказались уже на другой день реформы. Однородное въ экономическомъ отношеніи крѣпостное крестьянское населеніе разслаивается на одномъ полюсѣ масса крестьянскаго населенія съ сильно урѣзаннымъ душевымъ надѣломъ—малоземельные, на другомъ—значительная группа „хлѣбопашцевъ“ съ «четвертнымъ» или „нищенскимъ“ надѣломъ, т. е. почти что безземельные. Интересы помѣщиковъ-крѣпостниковъ были соблюдены. Это несомнѣнно. Крестьяне, какъ мас-

са, какъ сословіе, имѣющее превратиться въ процессъ исторіи въ классъ, были принесены въ жертву жаднымъ аппетитамъ сословія крѣпостниковъ,—будущему классу аграріевъ. Такъ,—

„Цѣль великая ударила“

Однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику“...

«Баринъ» насъ пока мало интересуесть, а „мужикъ“..... на это отвѣтилъ страшнымъ взрывомъ народнаго негодованія. Вѣками лелѣянная народомъ надежда на землю и волю разбита. Гдѣ она, эта столь желанная земля и воля? И «дни великаго гнѣва» настали ужъ на другой день крестьянской „воли“: вспыхнулъ цѣлый рядъ бунтовъ, беспощадно залитыхъ народною кровью. Они, эти бунты, обнимаютъ собою цѣлые уѣзды, много волостей сплошь. Красной, кровавой нитью проходятъ они черезъ все „десятилѣтіе великихъ реформъ“, и послѣднія запоздалыя волны этихъ бунтовъ доходятъ до насъ еще въ теченіе первой половины 70-хъ годовъ.

Я отмѣчу лишь здѣсь болѣе крупныя изъ этихъ крестьянскихъ волненій.

Въ 1861 году въ Безднѣ, Казанской губерніи, вспыхнуло подъ предводительствомъ Антона Петрова форменное возстаніе, въ которомъ принимало участіе 10 тысячъ крестьянъ. Въ ходъ пущена полевая артиллерія. Убито до 100 крестьянъ. Антонъ Петровъ казнень 19 апрѣля того же года. Въ томъ же году волненія въ Воронежской губ., убито 40 чел. крестьянъ. Далѣе: волненія въ Пензенской губ., много убитыхъ, раненыхъ, наказанныхъ шпицрутенами сквозь строй, наказанныхъ розгами, сосланныхъ и проч.

Можно безъ преувеличенія сказать, что во время освобожденія крестьянъ не было ни одной губерніи или уѣзда, гдѣ бы не происходили крестьянскіе безпорядки въ той или другой формѣ, съ обычными ихъ спутниками—военными экзекуціями, постоями, тюремнымъ заключеніемъ, ссылками и разореніемъ. Въ 1862 го у снова крестьянскія волненія въ Волынской, Курской и другихъ губерніяхъ. Крестьянскіе безпорядки не прекращаются, какъ мы еще уже говорили, вплоть до второй половины семидесятыхъ годовъ они вспыхиваютъ періодически то тамъ, то сямъ въ Кіевской губ. (бунтъ чигиринскихъ крестьянъ).

Мы будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что крестьянская реформа не была реформой «эпохи великихъ реформъ», данной крестьянамъ «сверху» сердобольнымъ Александромъ II. Нѣтъ! это была «крестьянская война», растянувшаяся на 1½ десятка слишкомъ лѣтъ; война, въ которой высказался протестъ народа противъ многовѣкового гнета крѣпостнически-полицейскаго государственнаго строя...

Крестьянскія волненія, стихійныя и разрозненныя, были повсемѣстно задушены, «порядокъ восстановлень». Въ деревнѣ воцарилась «тишь и гладь». Но это только казалось. Разрушительный процессъ начинающагося оскудѣнія деревни все нарасталъ и нарасталъ. Надвигалось новое народное бѣдствіе,—тоже стихійное и неумолимо жестокое.

Я говорю о народныхъ голодовкахъ. Первая голодовка «реформенной Россіи» появилась уже 6—7 лѣтъ послѣ „воли“, т. е.

въ 1867—68 г. Она охватила девять губерній: пять—сѣверныхъ и четыре—центральныхъ.

Вторая голодовка упала на насъ, какъ снѣгъ на голову: ее открылъ Левъ Толстой. Это—страшный голодъ Самарской губ. въ 1873—74 г.

Начиная съ 80-хъ годовъ,—скажу я въ скобкахъ,—голодовки все болѣе и болѣе учащаются, періоды ихъ появленія сокращаются; онѣ захватываютъ все большія и большія пространства нашей родины, поражая десятки миллионъ жителей и унося сотни тысячъ до миллиона жертвъ—отъ голода непосредственно,—во-первыхъ, и отъ роковыхъ его спутниковъ—„голоднаго тифа“, цынги и прочихъ болѣзней,—во-вторыхъ. Голодовки и смерть отъ нихъ становятся хроническими.....

О, поле, поле, кто тебя усыялъ такъ мертвыми костями?

Наши голодовки, это—настоящія общественныя катастрофы, періодически появляющіяся съ желѣзною необходимостью естественнаго закона.

Каждая такая катастрофа подтачиваетъ въ корнѣ народное хозяйство, расшатывая постепенно „исконные народные устои“.

Но ни однѣми катастрофами проявлялся процессъ ликвидаціи стараго порядка деревни. Параллельно и одновременно съ этимъ въ томъ же направленіи дѣйствовали и другіе моменты. Укажемъ на болѣе важные: 1. Семейные раздѣлы. Паденіе крѣпостнаго права уничтожило правовую зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, какъ отъ „командующаго класса“. И хотя безправіе крестьянъ по отношенію къ государству сохранилось еще въ полной силѣ, уничтоженіе крѣпостнаго права все-таки было шагомъ впередъ въ смыслѣ начинающагося пробужденія правового сознанія въ массѣ, а въ особенности въ молодомъ поколѣннн, выросшемъ «на волѣ». Молодое поколѣніе скоро показало это. Проснувшееся въ немъ сознаніе человѣческаго достоинства, сознаніе личности особенно ярко сказалось въ быстро послѣдовавшихъ за освобожденіемъ крестьянъ „раздѣлахъ семьи“. „Сыны“ возстали противъ „отцовъ“. „Въ доброе старое время“—время крѣпостнаго права,—это было невысказано. Крѣпостной гнетъ держалъ семью крестьянскую въ ежевыхъ рукавицахъ—семейные раздѣлы строго воспрещались. И крестьяне жили тогда „большими семьями“.

Съ паденіемъ же крѣпостнаго права, внѣшняя, сплывающая и сдерживающая семью сила исчезла. „Старики“, какъ ревностные хранители обычаявъ, традицій (какъ отцы, такъ и мы) головою стояли за единую, нераздѣльную семью: раздѣлъ, это-де раззоръ. Молодежь соглашалась съ этимъ, но жажда свободы, озлобленіе противъ опеки,—однимъ словомъ, чувство собственнаго достоинства властно требовало раздѣла. хотя бы дорогою цѣною хозяйственнаго разоренія. И раздѣлы совершались съ такою, можно сказать, головокружительной стремительностью, что уже въ началѣ 70-хъ годовъ можно было вълюбомъ селѣ, при въѣздѣ въ него, увидѣть „новые поселочки“, „порядки“, съ маленькими, словно на курьихъ ножкахъ, избушками (издебками), ютя-

щимися гдѣ-то за селомъ, „за околицей“, или вокругъ оврага, „на бутыркахъ“. Ни „двора“, ни „надворныхъ построекъ“ какихъ, нибудь. Это—своего рода импровизированные „шатры“, куда „безпокойный Израиль“ новой деревни собрался „на всякій случай“.

Это—поселенія „одинокихъ“, „маломощныхъ“ семей. Это—резервная армія нашего сельскаго пролетаріата. Она еще не готова, но она уже формируется. Достаточно одного неурожая или иного какого-либо несчастнаго случая—и бѣлыми нитками шитое хозяйство разсыпается въ прахъ: надѣль, „душа“ сдается въ „опчество“, избенка заколачивается и, хозяева“, какъ вольныя птички, снимаются и уходятъ—, въ батраки“, „въ казаки“, куда-нибудь „наймоватьсѣ“.

Раздѣлы эти, само собою, сильно расшатываютъ хозяйственную независимость «старыхъ» семей, подготавливая разложеніе патріархально-крѣпостнической семьи. На встрѣчу семейнымъ раздѣламъ идетъ другой процессъ распада стараго уклада жизни:

2. Бѣгство крестьянъ изъ деревень. «Бѣгутъ врозь» цѣлыя семьи, деревни и общества. Бѣгутъ потому, что «тѣсно стало». Замѣчательно, что это бѣгство началось еще въ первое 10-лѣтіе «великихъ реформъ»—въ 1868 году. По официальнымъ свѣдѣніямъ, крестьяне трехъ волостей Смоленской губерніи „крестьяне-одиночки“, обременные семействами,—по словамъ официального репортера (исправника),—распродавъ свое имущество, движимое и недвижимое, переселяются въ другія губерніи. Дома жить нечѣмъ: малоземелье, безысходная нужда и голодъ. Ихъ ловятъ и возвращаютъ назадъ, а они съ тупымъ отчаяннымъ упорствомъ твердятъ: „убьемъ!“ „Все равно пропадать!“ Имъ грозятъ тюрьмою, а они съ стоическимъ спокойствіемъ стоятъ на своемъ, „лбами уперлись“: предпочитаютъ тюремный хлѣбъ домашнему голоду.

Такъ дѣйствовало на деревенскіе „устои“ „малоземелье“.

3. Фискъ обостряетъ, усиливаетъ и углубляетъ еще больше начавшійся процессъ разслоенія въ деревнѣ. По отношенію къ крестьянамъ, какъ мы знаемъ, государство стало въ чисто-крѣпостническія оброчныя отношенія: высокіе выкупные платежи и масса другихъ денежныхъ повинностей, падающихъ непосредственно на землю, „на душу“, поглощаютъ не только весь доходъ крестьянина съ надѣла, но крестьянину, для удовлетворенія государственныхъ нуждъ и для поддержанія своего полуголоднаго существованія, приходится посторонними заработками, „отхожими промыслами“, выработывать еще въ $1\frac{1}{2}$ —2 раза больше, чѣмъ даетъ ему доходъ съ его надѣла. (См. „Опытъ статистическаго изслѣдованія о надѣлахъ и платежахъ“ проф. Янсона). А это приводитъ неизбѣжно къ одному: слабый „маломощный“, „однолошадный“ хозяинъ, изнемогая подъ тяжестью платежей государственныхъ, бросаетъ свою землю и сдаетъ ее обществу, „міру“. Этимъ путемъ создается:

4. Концентрація общественной, „мірской“ земли въ рукахъ богатыхъ, „хозяйственныхъ мужиковъ“—односельчанъ. Образуется группа „кулаковъ“, орудующихъ нерѣдко довольно

большими участками „надѣльной земли“ и ведущихъ свое хозяйство съ наемными рабочими, которыхъ ему нетрудно найти на своемъ же деревенскомъ рабочемъ рынкѣ. Такъ, при формальномъ существованіи общественной, «мірской», «общинной», земли, должствующей обезпечить землю равномерно всѣхъ односельчанъ, фактически надѣльная земля можетъ оказаться въ рукахъ десятка другого «кулаковъ». De jure существуетъ общество, экономически и юридически отвѣтственное предъ государствомъ, de facto же это общество—фикція: господствуетъ экономически и юридически кучка кулаковъ, деревенскихъ капиталистовъ, которые, присосавшись къ обществу, вершатъ всѣ дѣла—какъ внутри общины, такъ и внѣ ея.

Въ окончательномъ итогѣ положеніе крестьянъ, въ связи и зависимости отъ «крестьянской реформы», было таково:

А. Въ области экономической: малоземелье — въ общемъ; крайній недостатокъ въ луговыхъ, выгонныхъ и сѣяныхъ угодьяхъ—въ частности. При малоземельи—земля не всегда удовлетворительнаго качества: лучшія земли отошли къ помѣщикамъ. Масса «отрѣзковъ» окружаетъ желѣзнымъ кольцомъ крестьянскія земли, такъ что крестьянамъ негдѣ повернуться, чтобы не натолкнуться на помѣщичью черезполосицу. Недостатокъ земли, въ связи съ громадной ея обложенностью, роковымъ образомъ ведетъ къ выпаживанію ея, къ пониженію ея плодородія, а это въ свою очередь вызываетъ недороды и неурожаи. За недородами и неурожаями слѣдуютъ по стопамъ хроническое недоѣданіе и острая голодовка. Первое подрываетъ общее питаніе организма, порождаетъ хроническій маразмъ, способствуетъ физическому вырожденію; а это въ общей совокупности увеличиваетъ общую смертность, а въ особенности—дѣтскую. Второе—голодь—дѣйствуетъ остро, кося жизнь на-право и на-лѣво. Каждая такая періодически возвращающаяся голодовка оставляетъ послѣ себя все большіе и большіе дефекты въ экономическомъ и санитарномъ состояніяхъ народнаго организма. Экономическіе дефекты, накопляясь, подрываютъ все болѣе и болѣе благосостояніе отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, еще раньше ослабленныхъ малоземельемъ и фискомъ, что въ дальнѣйшемъ приводитъ, съ одной стороны, къ фактическому полному обезземеленію одной группы населенія,—порою значительной,—и къ сосредоточенію земли въ рукахъ сравнительно немногочисленной группы населенія—съ другой. Однородная въ крѣпостное время экономическая структура деревни рѣшительно идетъ, подъ вліяніемъ крѣпостническо - народной политики правительства, къ расслоенію, и это расслоеніе становится все глубже и глубже съ ростомъ фискальнаго гнета. Въ пореформенной деревнѣ образуются двѣ діаметрально противоположныя по своимъ хозяйственнымъ интересамъ группы: группа «хозяйственныхъ» мужиковъ и группа „маломощныхъ“, «безхозяйныхъ».

Община, гдѣ она есть, не представляетъ достаточно надежной защиты своему общиннику противъ фактической его экспроприаціи и превращенія его въ пролетарія. Это—потому, что община, въ силу круговой поруки, является исключительно юриди-

чески-отвѣтственнымъ лицомъ предъ всесильнымъ азіатскимъ фискомъ. Община, подъ давленіемъ фиска, фактически превращается въ крѣпостнически-деревенскій „приказъ“, опекающій, угнетающій и стерегущій, какъ тюремщикъ, своего общинника. Подъ вліяніемъ этого двойного гнета, государства и общины, въ общинникѣ прежде всего зажигается ненависть и отвращеніе къ своему обществу, какъ къ ближайшему своему угнетателю. Въ общинникѣ просыпается чувство собственнаго достоинства, просыпается неудержимое стремленіе разбить тѣсныя рамки своего крестьянскаго житья-бытья. И общинникъ бѣжитъ вонъ изъ деревни, угнетающей и обезличивающей его. Тягловую „душу“ свою онъ сдаетъ „міру“, а собственную свою душу онъ спасаетъ бѣгствомъ. Въ окончательномъ счетѣ—бѣгство односельчанъ подрываетъ самыя „устои“ общины.

В. Въ юридической сферѣ. Уничтоженіе крѣпостнаго права,—„воля“, по мѣткому выраженію народа,—еще не означало полнаго раскрѣпощенія крестьянъ. Крестьяне, по прежнему, остались въ значительной мѣрѣ и de jure крѣпостными: „крѣпкими землѣ“ сложною и запутанной сѣтью „крестьянскаго уложенія“, со всѣми его исключительно сословными правовыми нормами, превратившими ихъ въ „податное“, исключительно „оброчное“, „тягловое“ сословіе. Въ правовомъ отношеніи нашъ пореформенный крестьянинъ не выше стоитъ, такъ называемыхъ, „лишенныхъ правъ и состоянія“. Ужъ одно сохраненіе тѣлеснаго наказанія въ крестьянской юрисдикціи почти уравниваетъ крестьянина съ ссыльно-поселенцами и каторжными.

Мы видѣли, какъ пагубно отразилось крѣпостнически-народная политика,—экономическая и правовая,—на всемъ крестьянскомъ пореформенномъ строѣ. Намъ слѣдуетъ теперь разсмотрѣть, какое вліяніе на крестьянскую жизнь имѣла экономическая политика правительства, объектомъ которой служилъ не народъ непосредственно, а средній классъ, или точнѣе торгово-промышленное сословіе. Если крестьяне были пасынкомъ царскаго правительства; если „крестьянскую реформу“,—свобожденіе,—народу бросили „сверху“, какъ обглоданную кость злему изголодавшемуся псу,—то, наоборотъ, нашему торгово-промышленному сословію во все время царствованія Александра II весьма посчастливилось. Оно „чумазое“, стало любимцемъ, *persona grata*, «Царя-Освободителя». Его, „чумазаго“, стали выводить въ люди, въ „общество“. Оно сдѣлалось сразу необходимымъ „нужнымъ человѣкомъ“.

На молодую нашу буржуазію стали, какъ изъ рога изобилія, сыпаться царскія щедроты. Желѣзнодорожныя концессіи, гарантіи, покровительственные тарифы, всяческія акціонерныя компаніи, банки и проч.,—все это быстро выросло, какъ грибы послѣ дождя. На сцену выступаютъ новые люди,—„дѣльцы“, къ которымъ въ качествѣ приказчиковъ пристраивается наше „родовитое дворянство“. Да какъ же иначе? Дерунову нужна ширма, „протекція“, „имя“. И вотъ во главѣ разныхъ предпріятій красуются имена

графовъ, бароновъ, князей, въ томъ числѣ и «великихъ князей», —подъ сурдинкой, конечно,—и разныхъ другихъ высшаго ранга сановниковъ.

Капиталистически-предпринимательская горячка все растетъ и растетъ. Она становится заразительной. Она втягиваетъ въ сферу своей дѣятельности и «либеральные» элементы нашего общества.

«Либеральное» земство и «отцы городовъ» сами вовлекаются въ предпринимательскій круговоротъ: организуютъ акціонерныя общества, ходатайствуютъ для себя концессіи,—конечно, все это не для себя, а для народа—все для народа!—и, ухлопавши уйму народныхъ денегъ, строятъ плохія желѣзныя дороги, разоряя народъ вконецъ.

Но буржуазіи не только нужна матеріальная поддержка и покровительство «сверху»,—она не менѣе того нуждается въ содѣйствіи и помощи знанія, науки, а также и текущей прессы. И вотъ либеральная пресса—научная, публицистическая и газетная—рѣшительно санкціонируетъ капиталистическія предпріятія, пропагандируя ихъ *ubi et orbi*. «Идеологи» и «практики» буржуазіи подаютъ другъ другу руки и идутъ по одной дорожкѣ. Правительство, буржуазія и либералы образуютъ, такимъ образомъ концентръ реальныхъ силъ. Картина умилительная.

И работа закипѣла и въ городахъ, и въ деревняхъ—повсюду.

Оставимъ городъ въ сторонѣ и посмотримъ, какія завоеванія сдѣлала молодая буржуазія въ деревнѣ. Прежде всего она явилась въ деревню, какъ обладательница торговаго капитала, и энергично занялась куплей-продажей. Она покупаетъ охотно все, но прежде всего хлѣбъ. Желѣзныя дороги, съ подъѣздными путями, пароходы облегчаютъ транспортъ въ ближайшіе торговые центры, для отправки за-границу.

Хлѣбный экспортъ изъ года въ годъ все растетъ и растетъ. «Торговый балансъ» преуспѣваетъ. Правда, съ вывозомъ за границу зерновыхъ хлѣбовъ, земля, при существующихъ агрикультурныхъ условіяхъ, все болѣе и болѣе истощается.

Но что же дѣлать? Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ. Капиталистъ продолжаетъ свою работу. Не о единомъ хлѣбѣ онъ бываетъ живъ. Въ деревняхъ споконъ вѣку существовали, такъ называемые, домашніе промыслы. Капиталистъ и ихъ облюбовалъ: въ «золотыхъ рукахъ» его—а у капиталиста ужъ несомнѣнно руки золотыя,—домашніе промыслы легко могутъ превратиться въ солидную статью дохода. Сказано—сдѣлано. Торговый капиталъ постепенно овладѣлъ этими промыслами. Въ качествѣ же промышленнаго капитала, при дальнѣйшемъ ростѣ этого послѣдняго, онъ разъединяетъ производителя домашнихъ промысловъ отъ его орудій производства, превращая перваго въ наемнаго рабочаго—въ пролетарія.

Такимъ образомъ, какъ въ качествѣ ростовщичьяго и торговаго капитала, такъ и еще болѣе въ качествѣ промышленнаго капитала, тенденція деревенскаго капитала остается неизмѣнно одна и та же, а именно: нарастающая капитализація

домашнихъ промысловъ. Таково непосредственное воздѣйствіе капитала на деревню. Но и посредственное вліяніе, какъ разрушающее, такъ и созидающее, капитала въ деревнѣ тоже чрезвычайно велико,—все равно: является ли капиталъ въ деревнѣ, какъ капиталъ земледѣльческій, въ собственномъ смыслѣ этого слова, или, какъ капиталъ добывающей и обрабатывающей промышленности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ не только создаетъ новыя производительныя отношенія, но нерѣдко создаетъ новыя подсобныя отрасли труда для самой деревни. Приложеніемъ капитала къ разнообразнымъ отраслямъ промышленности, кромѣ земледѣльческой, вызываются къ жизни новыя городскіе промышленные рынки, для привлеченія избыточнаго въ деревнѣ населенія въ городъ. Между деревней и городомъ устанавливаются опять-таки совершенно новыя отношенія. Городъ становится центромъ тяготѣнія для деревни. Пренная обособленность деревни мало-по-малу исчезаетъ. Мало того. Тамъ, гдѣ вокругъ деревень возникаютъ промышленныя учрежденія, вырастаютъ совершенно новыя деревни, новые поселки, разрастающіеся съ теченіемъ времени въ новые города, со совѣмъ особеннымъ пролетарско-фабрично-заводскимъ населеніемъ, порывающимъ нерѣдко всякую связь, какъ матеріальную, такъ и духовную, съ своей деревней-метрополіей. Да и сама метрополія совершенно преобразуется. «Рубль» и «купонъ» вдохнули новую жизнь въ архаическую деревенскую «тишь и гладь». «Рупь» въ глазахъ деревни вырастаетъ въ громадную, мистически-чудодѣйственную силу. Патриархальная простота отношеній какъ въ семьѣ, такъ и въ деревнѣ, замѣняется сложными, запутанными отношеніями. Индивидуализмъ вырастаетъ, какъ антитеза первобытному чувству солидарности и согласія въ дореформенной семьѣ и общинѣ. Семейныя узы и общественныя связи, подъ напоромъ капитала, расслабляются и рвутся. Таково непосредственное и посредственное дѣйствіе капитала на деревню.

Резюмируемъ сказанное.

Буржуазно-экономическая политика правительства Александра II, поставившая себѣ ближайшей цѣлью развить въ Россіи крупную капиталистическую промышленность, воздѣйствовала на деревню въ смыслѣ дезорганизациі ея «исконныхъ устоевъ» еще болѣе рѣшительно, чѣмъ крѣпостнически-мужицкая политика того же правительства. Наше «первоначальное капиталистическое накопленіе» прежде всего отразилось на громадномъ ростѣ нашего государственнаго бюджета, расплачиваться за который своими боками приходилось исключительно «податной» деревнѣ. И безъ того надорваннаго крестьянской реформой, производительныя силы деревни еще болѣе ускореннымъ темпомъ идутъ на убыль. Производительныя силы деревни съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаютъ и истощаются. А это одно уже ведетъ къ роковому паденію «старого порядка» въ деревнѣ. Одновременно съ этимъ, въ томъ же направленіи, хотя и болѣе медленно, неуклонно дѣйствуетъ все развивающаяся и нарастающая новая экономическая сила деревни—капиталъ. Послѣдній не только разрушаетъ, но и транс-

формируетъ деревню—и трансформируетъ ее во всѣхъ направленіяхъ. Начатое первоначально государствомъ разслоеніе деревни идетъ далѣе неукоснительно и послѣдовательно ужъ капиталомъ, какъ таковымъ, въ силу ужъ присущихъ ему одному, т. е. капиталу, тенденцій. Прежде совершенно сплошная и сплоченная, деревня теперь превращается, подъ вліяніемъ капитала, въ деревню, такъ сказать, полиморфную, разрозненную и антагонистическую. Такова была деревня въ семидесятые годы.

Мы познакомились съ социальнымъ положеніемъ пореформенной деревни. Каково же было тогда настроеніе деревни? Какъ она реагировала на «новые» порядки? Мы уже знаемъ, какъ народъ отнесся къ кардинальной реформѣ «эпохи великихъ реформъ»—къ крестьянской реформѣ. Возстаніями, бунтами и всяческими беспорядками отвѣтилъ онъ уже на другой день «19 февраля». Горькое разочарованіе, обида, негодованіе и отчаяніе вылились въ этихъ бурныхъ и кровавыхъ протестахъ... Десятки, сотни лѣтъ—

«Гремя цѣпями, склонивши выю,
«Онъ молился за царя!..»

Онъ молился, вѣрилъ и надѣялся! Молитва его не дошла до Бога, вѣра въ царя не оправдалась, надежды оказались тщетными... Ни земли, ни воли!.. Будущее рисуется народу въ самомъ мрачномъ видѣ. А беспросвѣтное будущее, въ формѣ грозного сфинкса, уже надвигается на него.

«Разгадай меня или я съѣмъ тебя!»—неумолимо взываетъ къ нему этотъ сфинксъ. Гдѣ же ему, «сѣрому и темному», разгадать этотъ сфинксъ?..

Сфинксъ—это «новыя» времена, «новые» порядки. А новыя времена вышли «тяжелыми», новые порядки—«мудреными». «Жить стало тѣсно!»—жалуется деревня. «Дѣваться некуда!»—вопіетъ деревня. И эхо многомилліонными переливами разноситъ этотъ крикъ народнаго отчаянія, народнаго горя по всей русской землѣ, превращаясь «въ стонъ безконечный!..» А все болѣе усложняющіяся условія существованія императивно предъявляютъ народу все новыя и новыя требованія, все болѣе трудныя и сложныя задачи. Требованія должны быть исполнены, задачи—разрѣшены—«хоть разрывайся!.. А то помирать приходится!..» И мечется наша деревня, словно ошалѣлая, во всѣ стороны. Вѣчные страхи, опасенія и тревоги. Вѣчная забота. Масса всевозможныхъ «слуховъ», обманчивыхъ и фантастическихъ, особенно слуховъ о «передѣлѣ» земли. Откуда эти слухи? Ихъ рождаетъ напряженное народное настроеніе. Ропщетъ народъ. Недоволенъ. Истрепался, изнервничался.

«Слабъ народъ сталъ!..»—жалуются «старики».

Раньше люди привыкли къ опредѣленному обиходу жизни, къ прочному порядку, къ установившемуся положенію. Раньше крѣпостной гнетъ всѣхъ уравнивалъ. Онъ же ихъ и объединялъ: и въ общихъ радостяхъ, и въ общемъ горѣ, и въ вѣковомъ многотерпѣніи, и въ великихъ «дняхъ гнѣва»... Теперь не то. Новая полоса жизни пошла. И какая жизнь! Рознь пошла между людьми:

рознь въ семьѣ, рознь въ «обществѣ». Сговориться не могутъ. Каждый въ свою сторону тянетъ. «Каторга!»—злбно ворчить молодое деревенское поколѣніе, почуявшее уже свободу, и тѣломъ и душою стремившееся вырваться вонъ изъ опостылѣвшей ему деревенской жизни...

И люди, какъ въ старину, при нашествіи ордынцевъ, «разбѣгаются врозь». И по мѣрѣ того, какъ новыя условія жизни выясняются, по мѣрѣ того, какъ она, эта жизнь, все болѣе и болѣе осмысливается, растутъ и крѣпнеть народная дума. Новыя формы жизни кристаллизуются, а съ ними отливаются въ соотвѣтственныя формы и новыя понятія, новыя потребности и новыя стремленія. Сознаніе растетъ. Воля пробуждается. На старое, ветхое народъ махнулъ рукою. Онъ ищетъ новаго, новыхъ путей. На людей надо посмотреть и себя показать.

Лицомъ въ грязь, небось, не ударимъ!.. Пробуждается потребность къ «грамотѣ» («грамотному—куда способнѣ!»), къ знанію; появляется интересъ къ газетѣ и книжкѣ.

Самымъ яркимъ выраженіемъ начинавшагося умственного пробужденія народа надо считать сектантство 60-хъ и 70-хъ годовъ.

Я говорю о новомъ сектантствѣ — о штундистахъ, шелапутяхъ, «не нашихъ», «молчальникахъ» и проч. сектахъ, зародившихся вскорѣ послѣ паденія крѣпостного права и появленія новыхъ порядковъ въ деревнѣ. Появленіе этихъ сектъ въ это именно время—отнюдь не случайное явленіе. Повсюду и всегда, во времена крупныхъ общественныхъ переворотовъ въ жизни массы, подымается въ массѣ идейное броженіе, облекающееся обыкновенно въ форму религіозно - нравственныхъ, религіозно - мистическихъ,—порою и изувѣрски-дикихъ,—ученій. При ближайшемъ, однако, анализѣ этихъ ученій, въ нихъ вскрывается обыкновенно одна неизмѣнно основная тенденція, это—рѣзкій протестъ личности противъ существующаго строя,—во 1-хъ, и страстное стремленіе личности къ «новой правдѣ», согласно съ которой она, личность, перестраиваетъ свою жизнь,—во 2-хъ.

Такое и значеніе нашего сектантства. Грандіозная общественная ломка, совершившаяся съ такой сокрушительной силой на глазахъ наиболѣе мощной въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ части русскаго народа, поставила предъ ней роковой вопросъ: что дѣлать? Какъ устроить свою жизнь иначе? Въ жизни много зла. Міръ утопаетъ въ грѣхахъ. Много ненависти, розни и антагонизма.

«Како жити свято?» Какъ спастись отъ окончательнаго растлѣнія? Отвѣтомъ на это явилось сектантство, какъ ученіе, сектантская община, какъ форма реализаціи этого ученія, какъ практика.

Вмѣсто грубо-эгоистическаго принципа: «спасайся кто можетъ!» она внесла въ свои личныя и общественныя отношенія глубоко-гуманный и неумирающій принципъ—«положити души своя за други своя!».

Значеніе сектантства, какъ соціального явленія, исключительно симптоматическое: оно указываетъ на кроющіяся въ структурѣ общества аномаліи и противорѣчія. Доктрина и

форма борьбы сектантства имѣють чисто историческое значеніе: это—соціологическіе пережитки мышленія и практики. Остается значеніе сектантства, какъ показателя народнаго настроенія въ извѣстную историческую эпоху.

Въ связи съ другими подобнаго рода симптомами, оно-сектантство, рисуеть деревню 70-хъ годовъ мятущейся, ищущей, недовольной и оппозиціонной.

«Либеральныя реформы» правительства Александра II не только не удовлетворили интеллигентнаго общества, но вскорѣ совершенно оттолкнули его отъ этого двуличнаго, слабаго, то и дѣло мѣняющаго свой курсъ правительства.

Установившееся было между обществомъ и либеральнымъ правительствомъ *entente cordiale* совершенно порвалось. Прошло «десять лѣтъ реформъ», а «вѣнца зданія» нѣтъ—какъ нѣтъ. И увлеченіе «либеральными начинаніями», и вѣра въ «благія намѣренія» правительства стали проходить. «Облетѣли цвѣты, догорѣли огни».

И по мѣрѣ того, какъ правительство самымъ рѣшительнымъ образомъ выступаетъ на путь реакціи, урѣзывая, искажая и совсѣмъ отымая у общества то, что оно только, такъ сказать, накануне дало ему, общество становится все болѣе и болѣе оппозиціоннымъ.

Оно открыто заявляетъ свое недовольство. Оно начинаетъ даже фрондировать. Дворянскія общества, городскія и земскія учрежденія «бьютъ челомъ» царю по тому или другому поводу. Конституціонный адресъ петербургскаго дворянства въ 1865 году. Адресъ московской думы о свободѣ печати (1870 г.). Ходатайство московскаго дворянства объ упраздненіи административной ссылки въ 1872 г. Адресъ харьковскаго земства, составленный проф. Гордѣнко, въ 1878 г. Конституціонный адресъ черниговскаго губернскаго земства въ 1879 г. Инициаторъ этого адреса И. И. Петрункевичъ сосланъ административнымъ порядкомъ на сѣверъ. И т. д., и т. д. Въ отвѣтъ на всѣ эти «челобитни», «ходатайства и адреса—административныя кары и взысканія, репрессіи и репрессіи, безумныя и суровыя. Реакція все болѣе и болѣе затягиваетъ свою мертвую петлю надъ страной.

Выдающіеся общественные дѣятели, городскіе и земскіе, подвергаются тяжелымъ карамъ: удаляются, смѣщаются съ должностей, заточаются въ тюрьмы и отправляются въ ссылку.

Характерна крайняя неискренность всей «внутренней политики» правительства: вѣчныя шатанія и колебанія,—однако, съ основной тенденціей—къ свѣтобоязни и мракобѣсію. Къ концу 70-хъ годовъ «великія реформы»—крестьянская, земская, судебная и проч.,—оказались до того искалѣченными и урѣзанными разными «циркулярами» и «административными усмотрѣніями», что въ нихъ «либеральнаго» и одного грана не осталось. «Славное царствованіе» Александра III подготовлялось весьма основательно.

Единственныя организованныя общественныя силы того времени—дворянство, города и земства—пользовавшія правомъ «че-

лобитныхъ» на Высочайшее имя, съ одной стороны, и обжалованія дѣйствій «придержавшихъ властей» — съ другой, — были тогда слабы, какъ классъ, а потому и всѣ ихъ, болѣе чѣмъ скромные, протесты оставались «безъ послѣдствій».

Организованнаго общественнаго мнѣнія, какъ мнѣнія вполне дифференцированнаго класса, тогда еще не было. Стало быть, и организованнаго активнаго противодѣйствія реакціонному правительству тогда и не могло быть. Всякія надежды на «правовой порядокъ» были оставлены.

Общество впало въ отчаяніе. Апатія овладѣла имъ.

Уничтоженіе крѣпостнаго права объединило всѣ прогрессивные элементы нашей интеллигенціи. Литература, какъ выразительница общественныхъ стремленій, была охвачена тогда одной доминирующей идеей, однимъ цѣльнымъ настроеніемъ. Подъемъ интеллигентной мысли и интеллигентнаго чувства былъ на значительной высотѣ. Это было въ первую половину 60-хъ годовъ. Наша литература переживала тогда хорошее время. Это была пора «бурныхъ стремленій и натиска». Освобожденіе крестьянъ означало освобожденіе человѣка, личности отъ всякаго гнета, — гнета семейнаго и общественнаго, гнета традицій и авторитета. Зарождается и развивается нигилизмъ, какъ самое яркое выраженіе протеста со стороны интеллигентнаго разночинца. Пришелъ разночинецъ, сильный, гордый и смѣлый. Онъ почувялъ свободу и взялъ быка за рога.

Падаютъ авторитеты. Рушатся традиціи. Идетъ рѣшительная «переоцѣнка всѣхъ цѣнностей». Проблемы философіи и жизни, теоріи и практики подвергаются смѣлой критикѣ. Реальное мышленіе и автономная личность — гвоздь философской доктрины разночинца. Самымъ мощнымъ и талантливымъ представителемъ этого направленія былъ Писаревъ. Популярность его громадна. Сторонниковъ у него масса. Да оно и понятно. Это была «идеологія» «мыслящаго пролетарія», этого совершенно новаго тогда общественнаго наслоенія, выкристаллизовавшагося лишь по уничтоженіи крѣпостнаго права и лишеннаго всякихъ сословныхъ традицій и связей. Разночинцы, это — общественная группа безъ рѣзко опредѣленныхъ границъ, лишенная опредѣленной соціальной структуры. По аналогіи, мы бы ее, эту группу, назвали эмбриональной соціальной тканью, изъ которой уже дальнѣйшій процессъ развитія выдѣляетъ и обособляетъ рѣзко оформленные образованія.

Въ 60-хъ годахъ, повторяю, разночинская группа именно была такая — эмбриональная, не вполне дифференцированная еще. Вотъ почему и ея идеологія *im Grossen und Ganzen* носила характеръ надъ-сословный. Но вскрывая абстрактную оболочку этой идеологіи, мы находимъ въ ней черты, значительно сближающія ее съ идеологіей либерально-буржуазной. И это совершенно понятно. Буржуазія, какъ классъ, тоже только что «вылупилась». Ея экономическія тенденціи еще не опредѣлились, ея

идеологія не оформилась. Она только собирала свои силы, выпрямлялась. И свобода личности, свобода отъ всякихъ ограниченій и опредѣленій исторически-данныхъ конкретныхъ условій,—символь вѣры „мыслящаго пролетарія“,—была ей, народившейся только буржуазіи, какъ-разъ на-руку. *Laissez faire laissez passer*. Такъ же легко пріемлемымъ въ пользу буржуазіи былъ и другой „членъ“ разночинской «вѣрую» писаревского «толка»—«реализмъ», „реальное мышление“, съ горячей пропагандой натуралистическихъ знаній. Вѣдь и реализмъ и естествознаніе—орудіе побѣды надъ природою, орудіе, подымающее производительныя силы человѣка, какъ экономической единицы общества. А это именно прежде всего и нужно буржуазіи. Этимъ орудіемъ она у насъ, какъ это и повсюду было, воспользуется первая. Конечно, ни Писаревъ, ни разночинская идеологія его направленія совсѣмъ не подозрѣвали въ то время кому они служатъ ближайшимъ образомъ. Шла энергичная ломка стараго и дружное построение новаго. И „каменщикамъ“ легко могло казаться, что они новое зданіе готовятъ для «народа», для массы, а не для меньшинства.

Говоря, что разночинская группа 60-хъ годовъ еще не была «вполнѣ дифференцирована», я хотѣлъ сказать, что процессъ разслоенія въ ней уже начался. И дѣйствительно. Уже въ первое 5-тилѣтіе 60-хъ годовъ, изъ разночинской массы выдѣлилась замѣтная группа, съ совершенно инымъ, чѣмъ писаревское, ученіемъ. Мы говоримъ о народнической доктринѣ литераторовъ «Современника» съ Чернышевскимъ и Добролюбовымъ во главѣ. Обаяніе этихъ двухъ «учителей жизни» на извѣстные слои нашей интеллигенціи было неотразимо. Оно чувствовалось еще и въ теченіе 70-хъ годовъ.

Безпощадная критика капиталистическаго строя Чернышевскаго, страстная, почти религіозная, проповѣдь народническихъ идей Добролюбова дѣйствовали захватывающимъ образомъ.

Особенно Добролюбовъ въ своихъ критическихъ и публицистическихъ статьяхъ горячо, ярко и прямолинейно противопоставлялъ интересы народа интересамъ другихъ классовъ.

Въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ,—которыхъ, къ сожалѣнію, я не имѣю теперь подъ-рукой,—онъ доходитъ прямо до вдохновенія, говоря о народѣ. Онъ не только любилъ народъ «всѣми фибрами» своей благородной души: онъ глубоко уважалъ народъ и страстно училъ другихъ уважать его. Онъ прямо звалъ въ народъ, указывая, что у народа можно многому чему научиться.

А его злая иронія, его «Свистокъ», которымъ онъ безпощадно бичевалъ либеральную посредственность и либеральное прекраснодушіе!... Онъ не давалъ уснуть человѣческой мысли, онъ не позволялъ усыплять ее. Онъ ненавидѣлъ фразу, «гнилыя слова» (собственное выраженіе Добролюбова), а властно звалъ на «дѣло»—на народное дѣло.

«Я вашъ, друзья, хочу быть вашимъ,

«На борьбу и битву я готовъ,

«Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ

«Живое дѣло вмѣсто словъ!...»

Такими словами звалъ Добролюбовъ разночинца на дѣло. И крайнее лѣвое крыло разночинцевъ отозвалось на этотъ благородный кличъ.

«Земля и Воля!» 60-хъ годовъ—духовное дѣтище Добролюбова.

Въ 70-хъ годахъ литературныя теченія,—такъ называемыя, литературныя партіи опредѣлились еще болѣе рѣзко. Да иначе и быть не могло. За это время процессъ общественнаго разслоенія вполне обозначился. Уже можно было видѣть направленіе, къ которому тяготеютъ разные слои общества. И литература 70-хъ годовъ отразила эти тенденціи, обобщила и оформила ихъ.

Если оставить въ сторонѣ литературу реакціонную, консервативную и рептильную со Страстнаго бульвара и задворковъ петербургскаго общества, то предъ нами встаютъ два литературныхъ направленія, съ высокимъ удѣльнымъ вѣсомъ, имѣвшія, поэтому, значительное вліяніе на общественное мнѣніе и настроеніе.

Я говорю о либерально-прогрессивной литературѣ и народнически-радикальной.

Представителями перваго направленія служатъ «Вѣстникъ Европы», «Недѣля» (70-хъ годовъ) и др.

Въ ряду названныхъ органовъ первенствующее мѣсто несомнѣнно принадлежитъ «Вѣстнику Европы», какъ вполне выдержанному въ идейномъ отношеніи органу. А потому ограничимся лишь бѣглой характеристикой только этого органа.

Вокругъ «Вѣстника Европы» группировались выдающіеся ученые, публицисты и литераторы: Стасюлевичъ, Пыпинъ, Кавелинъ, Арсеньевъ, Головачевъ, Сѣменовъ, Утинъ, Слонимскій, Кони и проч.

Не касаясь філософскаго міросозерцанія органа,—трудно, впрочемъ, поддающагося опредѣленію, такъ какъ рядомъ съ идеалистическими статьями Кавелина о психологіи, этикѣ и проч. идетъ рядъ статей на ту же тему чисто матеріалистическаго характера проф. Сѣменова,—мы скажемъ нѣсколько словъ о социальнo-этической его доктринѣ. Въ этомъ отношеніи «Вѣстникъ Европы» является послѣдовательнымъ проводникомъ идей западно-европейскаго «либерализма».

Правда, органъ никогда прямо не высказывалъ своего политическаго credo, но лейтмотивъ его направленія легко выдаетъ это credo. Черезъ всѣ его обозрѣнія, хроники и другія публицистическія статьи красной нитью проходитъ одинъ и тотъ же лейтмотивъ: «правовой порядокъ», законность, защита свободы совѣсти, свободы слова и печати, общественный контроль, защита труда, проповѣдь просвѣщенія и гуманности,—однимъ словомъ, «Вѣстникъ Европы»—органъ нашей просвѣщенной либеральной буржуазіи.

Нужно отдать справедливость «Вѣстнику Европы», что онъ оставался вѣренъ самому себѣ и непоколебимо стоялъ на своемъ гуманитoрно-либеральномъ посту. Разъ только,—замѣчу въ

скобкахъ,—«Вѣстникъ Европы» измѣнилъ себѣ. Это было, если не ошибаюсь, въ декабрьской книжкѣ журнала за 1876 годъ. Въ своемъ «Внутреннемъ Обозрѣніи» органъ, по поводу казанской демонстраціи 6 декабря, разразился такой филиппикой противъ революціонной партіи, которая скорѣе пристала-бы публицистамъ Страстного бульвара...

Намъ, семидесятникамъ, выступившимъ тогда какъ разъ на революціонно-народнической путь, такое злобное отношеніе со стороны всегда довольно корректнаго органа казалось и обиднымъ, и несправедливымъ. Много лѣтъ спустя, а именно въ 1886 году, я проѣздомъ былъ въ Томскѣ, гдѣ видѣлся, между прочимъ, съ покойнымъ Станюковичемъ. Послѣдній объяснилъ эту выходку «Вѣстника Европы» случайностью—непредвиденнымъ въ то время отсутствіемъ отвѣтственнаго редактора, г. Стасюлевича, выѣхавшаго тогда за-границу. Самъ Стасюлевичъ,—увѣрялъ меня Станюковичъ,—никоимъ образомъ не допустилъ бы такого колѣнца. Можетъ быть это и такъ.

Народнически-радикальная литературная партія группировалась вокругъ «Отечественныхъ Записокъ». Оставаясь вѣрными великимъ традиціямъ «Современника», «Отеч. Зап.» почти безраздѣльно «властвовали надъ умами» той эпохи. Вліяніе ихъ было громадно. Цѣлое поколѣніе, поколѣніе 70-хъ годовъ, энергичное и боевое, считало «Отеч. Зап.» почти что своимъ органомъ. Семидесятые годы поставили предъ нашей молодой разночинской интеллигенціей цѣлый рядъ важныхъ проблемъ—и философскихъ и социальныхъ.

Чуткія къ запросамъ жизни, «Отеч. Зап.» сдѣлали эти вопросы своими вопросами, своимъ дѣломъ, которому они долго, славно служили, оставаясь непреклонно на своемъ боевомъ посту.

Значительная группа крупныхъ мыслителей, высокоталантливыхъ публицистовъ и художниковъ энергично взялась за эту работу. И голосъ этихъ людей властно раздавался по Россіи. Ихъ слушали не только молодежь: и старшее поколѣніе разночинцевъ, и все интеллигентное общество съ глубокимъ интересомъ прислушивались къ этому авторитетному голосу. Журналъ читался нарасхватъ. Каждая новая книжка журнала ожидалась съ нетерпѣніемъ. Что скажутъ Михайловскій и Лавровъ? Что напишутъ Щедринъ и Грыцько (Елисѣевъ)? Что подарятъ намъ Некрасовъ, Успенскій, Златовратскій и другіе? Между журналомъ и читателемъ устанавливаются самыя тѣсныя отношенія,—отношенія взаимнаго пониманія общности задачъ и стремленій. Мало того. По мѣрѣ того, какъ молодая разночинская молодежь выростала и выпрямлялась, по мѣрѣ того, какъ она все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе выступала на революціонный путь,—она, эта молодежь, уже въ свою очередь толкала,—по крайней мѣрѣ, въ идейномъ отношеніи,—своихъ учителей въ желательномъ для нея, молодежи, направленіи. Попутно скажемъ, это вліяніе революціонной молодежи на журналъ особенно сказалось во вторую и третью стадіи развитія революціоннаго движенія молодежи 70-хъ годовъ.

Таково было значеніе народническо-радикальной литературной партіи въ общемъ.

Познакомимся теперь поближе съ ея работой. Большая это была работа. Въ центрѣ ея стоитъ опять-таки народъ, «пореформенный мужикъ», со всѣми его радостями и печалями, съ его помыслами и стремленіями,—однимъ словомъ, со всей его обиходной жизнью. Предъ нами теперь во весь ростъ выступаетъ фигура того «таинственного незнакомца», который еще съ 60-хъ годовъ приковалъ къ себѣ вниманіе разночинца. И вотъ черта за чертой, штрихъ за штрихомъ—и предъ нами развертывается безысходно печальная картина народнаго житья-бытья.

Наши любимцы-беллетристы Наумовъ, Успенскій и Златовратскій вынесли все это на бѣлый свѣтъ и показали всему міру. Впечатлѣніе импонирующее. А «муза мести и печали» по-прежнему поеть намъ унылыя пѣсни о народѣ, по-прежнему намъ слышится въ нихъ «стонъ безконечный», стонъ народный!..

Рука-объ-руку съ народнической беллетристикой и въ томъ же направленіи работаетъ публицистика.

Крестьянская реформа, община, обычное право, семейныя и общественныя отношенія въ деревнѣ, административныя и земледѣльческіе порядки,—словомъ, все, чѣмъ жива бываетъ деревня, становится объектомъ изслѣдованія публицистики «Отеч. Зап.». Но не только деревня—вся современная русская дѣйствительность, со всѣми ея злобами, заполняетъ собою журналъ. Хроника общественной жизни («Внутреннія дѣла» журнала) это—мастерская картина современной дѣйствительности, нарисованная опытной и сильной рукой. Группировка фактовъ, освѣщеніе отличаются ясностью и глубиной. Молодежь буквально зачитывалась этими хрониками. Мало того. Я помню хорошо, какъ свободные часы между лекціями, мы, студенты, захвативъ съ собою новую книжку журнала, прежде всего обыкновенно набрасывались на «Внутреннія дѣла» журнала и прочитывали ихъ, при глубокомъ вниманіи, вслухъ.

Елисѣевъ былъ знатокъ своего дѣла. И не только знатокъ: его хроники были въ общемъ проникнуты тѣмъ народническимъ тономъ, который характеризуетъ въ цѣломъ весь органъ. Въ этомъ отношеніи,—замѣчу въ скобкахъ,—эти хроники, т. е. хроники Елисѣева, куда выше стояли, чѣмъ тѣ же хроники этого журнала, которыя раньше велъ Демертъ. Демертевскія хроники въ «Отеч. Зап.» были-бы больше къ лицу журналу «Дѣло».

Не могу, заговоривъ объ этихъ хроникахъ Елисѣева, не упомянуть о томъ, какъ на нихъ смотрѣла В. Н. Фигнеръ, яркая и крупная представительница 70-хъ годовъ. Я это узналъ случайно. Зимой 1886 года я былъ проѣздомъ въ Иркутскѣ. Въ это время тамъ жила мать Вѣры Николаевны. Въ одно изъ моихъ посѣщеній Фигнеръ-мать показала мнѣ послѣднюю фотографическую карточку В. Н., а равно и письмо В. Н. къ ея младшей сестрѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Это замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ письмо. Это даже не письмо, а завѣщаніе, глубоко трогательное и продуманное, завѣщаніе старшей сестры, столько передумавшей и пережившей, горячо любимой младшей сестрѣ, только что вступающей въ жизнь.

Вѣра Николаевна совѣтуетъ сестрѣ въ этомъ письмѣ основательно поработать надъ своимъ умственнымъ развитіемъ. Между прочимъ, Вѣра Николаевна горячо рекомендуетъ своей сестрѣ внимательное чтеніе «Отеч. Зап.», обращая особое ея вниманіе на хроники журнала.

Однако, это неожиданно выплывшее у меня воспоминаніе о Вѣрѣ Николаевнѣ отклонило меня въ сторону. Продолжаю характеристику «Отеч. Зап.».

Вообще журналъ отличался рѣдкимъ богатствомъ содержанія. Одинъ Щедринъ чего стоитъ!

Какъ антитеза оптимистическому въ общемъ народничеству журнала, Щедринъ былъ прямо незамѣнимъ. Его сатира, это—аттическая соль журнала. Его желчный смѣхъ, злой сарказмъ, заставлялъ людей не только смѣяться, но и трепетать. Никто, какъ Щедринъ, не умѣлъ, что называется, срывать маску, разоблачить, вскрыть пошлость, дутое благородство. Особенную идиосинкразію онъ чувствовалъ ко всяческому «либеральнымъ начинаніямъ», «вѣяніямъ сверху» и вообще ко всякимъ «ликваніямъ». Со свойственной ему пронизательностью, онъ подъ приличнымъ ихъ покровомъ легко улавливалъ фальшь, пошлость и тупость. «Эпоха великихъ реформъ» дала сатирѣ Щедрина богатѣйшій матеріалъ, который онъ съ изумительной силой использовалъ. Въ то время, когда наши либералы пѣли: «Громъ побѣды раздавайся!» Щедринъ шипѣлъ, высмѣивая безпощадно мѣщанскую посредственность ихъ стремленій и мышленія. Отъ «земскихъ дѣятелей», «отъ полуды земской посуды» его прямо тошнило. Его «Новый Нарцызъ» вызвалъ прямо бурю въ либеральномъ лагерѣ.

Не было ни одного крупнаго явленія въ общественной жизни пореформенной Россіи, которое Щедринъ обошелъ-бы молчаніемъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что по сочиненіямъ Щедрина можно въ извѣстномъ смыслѣ познакомиться съ эволюціей русской дѣйствительности въ послѣднія два десятилѣтія пореформенной Россіи. И дѣйствительно. Его сочиненія, это—картинная галлея, въ которой выступаютъ типичные представители различныхъ общественныхъ группъ пореформенной Россіи: представители магистратуры, съ адвокатурой включительно, представители зародившейся буржуазіи — Разуваевъ съ Деруновымъ, либералы, съ ихъ принципомъ—«съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой—надо признаться», представители дряхлѣющаго и разлагающагося крѣпостническаго дворянства («Семья Головлевыхъ»). И т. д., и т. д. Щедринъ не только сатирикъ: онъ во многихъ случаяхъ возвышается до глубокаго трагизма, особенно въ послѣдніе годы его литературной дѣятельности. Многія страницы его «Семьи Головлевыхъ», его «Имя рекъ», нѣкоторыя его «Сказки» прямо за душу хватаютъ. «Одиночество и брошенность»,—конечно, не личнаго только характера, а главнымъ образомъ общественнаго,—выжимаютъ слезы у изстрадавшагося, изболѣвшагося сердцемъ за богомъ обиженную родину старика-писателя. Ненавистникъ „мелочей жизни“, пустословія и игры въ дѣло, онъ,—можетъ быть и помимо своей воли,—звалъ на все великое и разумное!...

Сатира Щедрина, однимъ словомъ, создавала здоровое протестующее настроеніе.

Сказаннымъ отнюдь не исчерпывается то значеніе, которое «Отеч. Зап.» имѣли для семидесятниковъ. Я еще ничего не сказалъ объ отношеніяхъ этого органа къ социализму и социалистическому движенію на Западѣ. Я еще ничего не сказалъ о кардинальномъ теченіи этого органа—его социологической доктринѣ.

«Отеч. Зап.» никакъ нельзя назвать социалистическимъ органомъ, въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, какъ это понимается на Западѣ. Не будучи социалистическими, «Отеч. Зап.», тѣмъ не менѣе, способствовали распространенію социалистическихъ идей въ нашей средѣ.

Научный социализмъ на Западѣ и тѣсно съ нимъ связанное движеніе пролетариата представляли самое крупное явленіе того времени. И «От. Зап.», конечно, не могли не отнестись къ нему со свойственной имъ въ такихъ случаяхъ отзывчивостью. И вотъ на страницахъ журнала то и дѣло появляются статьи догматическаго, критическаго, полемическаго и рецензійнаго характера о теоріи и практикѣ социализма. Конечно, все это въ рамкахъ цензурнаго устава. Огромный авторитетъ органа,— во 1-хъ позиція, принятая органомъ по отношенію къ социализму,—во 2-хъ и, наконецъ, тотъ фактъ, что эта позиція органа вытекала изъ того, что социализмъ отнюдь не противорѣчилъ социологической доктринѣ самого органа—въ 3-хъ,—привели *summa summarum* къ тому, что къ социалистическимъ идеямъ пробуждался въ молодежи все большій и большій интересъ, а съ этимъ и изученіе этихъ идей—съ первыхъ уже источниковъ—стало все больше и больше распространяться.

Въ виду того громаднаго значенія, которое социализмъ имѣлъ для молодежи еще въ періодѣ формированія ея міросозерцанія, съ одной стороны, а особенно въ виду рѣшающаго значенія социализма при выступленіи молодежи на революціонный путь—съ другой,—заслуга «От. Зап.» въ этомъ отношеніи была очень велика.

Я только-что сказалъ, что «социализмъ отнюдь не противорѣчилъ социологической доктринѣ» «От. Зап.».

Какая же это была доктрина? Чему она учила?

Тѣнь Михайловскаго является предъ нами!

Онъ былъ тогда еще живъ, въ расцвѣтѣ своихъ творческихъ силъ, энергичный, твердый и неполебимый литературный борецъ. Огромный литературный талантъ, свято сберегаемые лучшіе завѣты 60-хъ годовъ сразу выдвинули его и дали ему возможность занять центральное мѣсто не только въ своемъ журналѣ,— «Отеч. Зап.»,—но и во всей народнически-освободительной литературѣ. Михайловскій, какъ мыслитель, какъ литераторъ-публицистъ—типичный представитель своего времени. Михайловскій—шестидесятникъ. Это была пора, какъ мы уже говорили, особенно интенсивнаго стремленія къ освобожденію.

Не раскрѣпощенная еще личность всѣми силами, бывшими такъ долго въ потенциальномъ состояніи, порывается къ возможно

полному освобожденію. Личность почувствовала огромный приливъ освободившейся энергіи. Личности казалось, что она можетъ все сдѣлать. Такая переоцѣнка своихъ силъ психологически въ такое бурное время весьма возможна. Михайловскій жилъ въ этой средѣ, насыщенной этими бурными порывами. Михайловскій дышалъ атмосферой Sturm'a u Drang'a. На его глазахъ выросъ вызывающій нигилизмъ, возникло освободительное женское движеніе, («женскій вопросъ») образовались, между прочимъ, два кардинальныхъ литературныхъ теченія—«писаревское» и народничество «Современника». Оба теченія—боевые. Не мудрено, что въ такой боевой соціальной обстановкѣ интеллигенціи могли зародиться представленія о великой роли «личности» въ исторіи, объ ея чуть-ли не првиденціальномъ значеніи въ «прогрессѣ» человѣчества.

Россія же, Россія экономическая и соціальная, «не напала еще тогда на слѣдъ своего естественнаго закона развитія». Она пересозидалась только.

Не мудрено, поэтому,—повторяю я,—что въ такое именно время могли зародиться идеи слишкомъ общаго, абстрактнаго характера, которыя и вылились въ формѣ той соціологической доктрины, яркимъ и послѣднимъ выразителемъ которой явился Михайловскій. Въ 1869^д году эта доктрина была совершенно готова и вышла изъ головы Михайловскаго, какъ Минерва изъ пѣны морской.

Статья Михайловскаго—«что такое прогрессъ?» «составила эпоху» въ литературѣ. Въ этой статьѣ «субъективная соціологія» получила свое начало и завершеніе. Это—альфа и омега новой концепціи. «Объективный» прогрессъ отбрасывается прочь. На его мѣсто воздвигается—«субъективный». «Личность» становится верховнымъ критеріемъ прогресса. Прогрессивно все то, что «расширяетъ формулу жизни личности», что «увеличиваетъ фізіологическое раздѣленіе труда между органами личности»,—однимъ словомъ, все, что дѣлаетъ личность «полной и цѣлостной». И наоборотъ. Все, что задерживаетъ ростъ и развитіе личности вширь и вглубь, все, что урѣзываетъ ее такъ или иначе—регрессивно, т. е. вредно, а вмѣстѣ съ тѣмъ «преступно», т. е. и «безнравственно».

Но личность живетъ въ обществѣ, въ той или другой формѣ опредѣляется имъ, обществомъ.

Какъ же должно прогрессировать общество, чтобы не задерживать прогрессивнаго развитія личности? Отвѣтъ простой. Общество должно развиваться въ направленіи обратно противоположномъ, чѣмъ личность. Это значить—въ противоположность «типу органическаго развитія». А потому, «общественное раздѣленіе труда» рѣшительно отвергается, какъ регрессивное.

Общество должно быть организовано по типу «простой кооперации», т. е. какъ организованная совокупность разносторонне и полно развитыхъ личностей. Все, что вызываетъ большее раздѣленіе труда въ обществѣ, дѣйствуетъ задерживающимъ образомъ на прогрессъ личности, раздробляетъ личность, расчленяетъ ее,

превращая ее, такимъ образомъ, изъ полной и цѣлостной личности, каковой она должна быть, въ, такъ сказать, «палець отъ ноги», говоря шекспировскимъ языкомъ. А потому, и такая, по «типу органическаго развитія» тенденція общественнаго развитія тоже вредна, нежелательна и безнравственна.

Такова сущность ученія о прогрессѣ Михайловскаго.

Въ теченіе послѣдующей многолѣтней своей литературной дѣятельности, Михайловскій остался непреклонно вѣрнымъ этой основной своей концепціи прогресса. Впослѣдствіи Михайловскій расширилъ свою концепцію, дополнивъ ее ученіемъ «о типахъ и ступеняхъ развитія». «Типы», это— «синтетическія формы» организациі. Это— «цѣлостныя, полныя» организациі, въ которыхъ «физиологическое раздѣленіе труда» осуществлено вполне.

«Ступени развитія», это— дезъинтегрированныя организациі, въ которыхъ отдѣльные органы и функціи могутъ достигнуть высокой ступени, но, такъ сказать, за счетъ урѣзыванія, сокращенія и полной атрофіи нѣкоторыхъ или всѣхъ прочихъ органовъ и функцій. Такъ совершается развитіе въ органическомъ мірѣ. Общественная организациа, развивающаяся по этому типу—регрессивная организациа, а потому опять-таки нежелательна и безнравственна.

Предъ нами, такимъ образомъ, одновременно и соціологическая и этическая концепція. Она проходитъ, какъ верховный критерій, красной нитью черезъ всѣ литературныя работы Михайловскаго.

Объективныя явленія исторіи, жгучія проблемы современной дѣйствительности, «литература и жизнь»,—все разсматривается, изслѣдуется и разбирается именно съ точки зрѣнія этого критерія. И нужно отдать справедливость Михайловскому онъ сумѣлъ, благодаря своему таланту и авторитету, такъ сказать, пропитать «Отечественныя Записки» своей концепціей.

Понятно, почему «Отечест. Записки» съ Михайловскимъ во главѣ такъ сочувственно относились къ социализму, хотя этотъ послѣдній—не ихъ доктрина. Соціалистическій строй, это—антитеза современнаго капиталистическаго строя, доведшаго общественное раздѣленіе труда, совсѣми его разрушительными для развитія личности послѣдствіями, до крайней степени. Социализмъ стремится реорганизовать этотъ строй на новыхъ началахъ, которыми полное и разностороннее развитіе личности будетъ вполне осуществлено.

Такимъ образомъ, требованія социализма и требованія «субъективной соціологіи» не только не противорѣчатъ другъ другу, но и вполне совпадаютъ въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ, касающихся интересовъ развитія личности, ея будущихъ судебъ. И дальше. Соціологическая доктрина Михайловскаго санкціонировала также и «народничество». Иначе и не могло быть.

«Народничество» стояло на стражѣ народныхъ интересовъ и требовало полного и безпрепятственнаго развитія «исконныхъ устоевъ» его, способныхъ обезпечить народу нормальное, прогрессивное общественное существованіе. Въ деревнѣ, правда, теперь по-

шла ломка: рушится старое, новое воздвигается: «Старому»—туда и дорога: вѣчная память ему! А «новое»? Новое пока вырисовывается лишь въ самыхъ смутныхъ и расплывчатыхъ очертаніяхъ. Во что оно выльется—пока трудно сказать. Между тѣмъ, разрушительный процессъ въ деревнѣ оставилъ еще нетронутыми многіе «устои» народной жизни. А эти «устои» такого характера, что, если создать для нихъ условія дальнѣйшаго нормальнаго развитія, то жизнь массы можетъ вылиться тогда въ самую совершенную формы.

Если выразить это въ терминахъ теоріи прогресса Михайловскаго, то получимъ слѣдующее: русскій народъ еще не вступилъ въ фазу капиталистическаго развитія; общественного раздѣленія труда онъ еще не знаетъ; «типъ» развитія еще сохранился крестьяниномъ; въ деревнѣ сохранилась еще община,—прототипъ «простой коопераціи»; конкуренція, или борьба за существованіе, такъ калѣчащая личность на Западѣ, у насъ едва только зарождается въ деревнѣ.

А потому развитіе русской дѣйствительности въ направленіи реорганизаціи ея строя въ строй по типу «простой коопераціи», съ одной стороны, и дальнѣйшее поступательное развитіе личности въ смыслъ подъема сохранившагося «типа» развитія на высшую «ступень» ея—съ другой,—не представляетъ на своемъ пути непреодолимыхъ препятствій.

Такой именно выводъ сдѣлала наша молодая интеллигенція 70-хъ годовъ изъ соціологической доктрины Михайловскаго. Этимъ, попутно скажемъ, и объясняется тотъ громаднй авторитетъ, которымъ Михайловскій пользовался у молодежи.

Ученіе Михайловскаго о роли личности въ исторіи, какъ фактора историческаго процесса, о значеніи личности, какъ дѣятеля прогресса, имѣло особое значеніе для семидесятниковъ. Михайловскій дѣлаетъ личность центральной фигурой исторіи. Вмѣстѣ съ Лавровымъ, Михайловскій возлагаетъ на личность всю тяжесть историческаго творчества. Во имя «истины и справедливости» (Лавровъ), во имя «двуединой правды» (Михайловскій) повелительно требуется отъ личности, «критически-мыслящей» личности, чтобы она дѣлала исторію, осуществляла прогрессъ.

И «личность» жадно хваталась за это ученіе.

Таково было значеніе для насъ, семидесятниковъ, народнически-радикальной литературной партіи «Отечественныхъ Записокъ».
